

СПЕЦНАЗ

ОПЕРАЦИЯ БЕЗ НАРКОЗА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Операция без наркоза / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-089620-2

Отряд ОМОНа попал в засаду и был вынужден вступить в неравный бой с превосходящими силами противника. На помощь отправился взвод спецназа ГРУ старшего лейтенанта Георгия Арцыбашева. Бойцы десантировались в заданном районе и сразу же вступили в схватку с моджахедами. При виде молодых солдат матерые головорезы, прошедшие войну в Сирии и Ираке, стали предвкушать легкую и быструю победу. Они еще никогда не имели дела с российским спецназом ГРУ и потому не ожидали, что очень скоро им преподнесут убийственный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2017

© Оформление.

ISBN 978-5-04-089620-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ПРОЛОГ

Мы ползли между черными, осыпающимися по трещинам скалами, выбирая места, где можно протиснуться между каменными преградами, продирались когда на одном боку, когда на другом, стараясь не оставить на камнях клочки одежды, сохраняя при этом полную тишину. Иначе было нельзя...

Уж что-что, а ползать я умею не хуже ящерицы или змеи. И полностью беззвучно, как та же ящерица или змея. Как и мои солдаты, которых я каждый день натаскивал на это, по глазам бойцов понимая, насколько это им неинтересно. Им что-нибудь веселенькое подавай, над чем посмеяться при случае можно, как, например, над собственным падением после промаха при нанесении на тренировке хай-кика. Или чем можно будет потом «на гражданке» друзей и девушек удивить, —

правильным и эффективным нанесением такого удара какому-нибудь хулигану.

По натуре я и сам еще такой же молодой, то есть с задором. По большому счету я ведь ненамного старше их. Примерно десять лет разницы. Я для них, выходит, не только командир, но и старший брат. Старший и опытный...

А разница в том, что старший брат и тем более командир обязан понимать слова «полезно», «необходимо». И потому я порой не заменял даже традиционно любимые солдатами занятия по рукопашному бою, но начинал их как раз с ползания, а потом переходил на долгое движение «гусиным шагом». Это тоже скучно, и нагрузка при этом на мышцы большая, кроме того, при «гусином шаге» пережимаются кровеносные сосуды в области таза и нарушается общее кровоснабжение организма, в результате чего с непривычки может наступить даже сильное головокружение и временная потеря ориентации. Правда, всего на несколько секунд, но эти секунды в бою могут стать решающими. Причем для собственной жизни. И потому такие упражнения делать обязательно, чтобы

развить в себе привычку и научить ориентироваться в самом сложном физическом состоянии.

А ползание всегда утомляет однообразием. Многим оно изначально не кажется важным, хотя для спецназа это один из основных элементов боевой подготовки, не менее важный, чем стрельба. Более того, я бы сказал, что умение бесшумно ползать даже важнее точной стрельбы. Потому что точный выстрел сделать проще с короткой дистанции, а на нее не подойдешь строевым шагом. Нужно подползти к противнику незамеченным. А порой подползать приходится не на дистанцию точного выстрела, а на дистанцию удара, то есть на ту, с которой противника можно рукой достать. И этому необходимо учиться.

Мы вползли в ущелье недалеко от бандитского поста, буквально в пятнадцати метрах от него, когда часовой был, по нашим расчетам, увлечен рассматриванием в бинокль летающего чуть в стороне вертолета «Ночной охотник».

Часовой, наверное, радовался, считая, что вертолет его не видит. Но с вертолета видели и его, и нас на мониторе, где прос-

матривалась термографическая картинка¹. Правда, видели только в тепловизор и в слегка искаженном разноцветном виде. Но по часовому не стреляли, потому что ему звонили каждые двадцать пять минут, как показывали наши дневные наблюдения. Нетрудно было догадаться, что это звонки контрольные. Кто-то сильно озабоченный желанием сохранить свою драгоценную жизнь, вероятно, человек, отвечающий за безопасность в банде, обзванивал часовых, проверяя их и уточняя ситуацию. Если часовой не ответит, это должно стать сигналом тревоги.

И потому мы приняли решение часового не трогать. Ни того, что сидел под камнем в самом начале ущелья, ни следующего, до которого мы еще не дошли и толком не знали, как будем его обходить.

Это была большая сложность, поскольку второй часовой имел пост в самом узком месте ущелья и даже в темноте, при свете звезд, мог контролировать проход. У меня была надежда на эти самые пресловутые телефонные звонки. Когда часовой отвле-

¹ Термографическая картинка — изображение с камеры тепловизора.

кается на разговор, он теряет бдительность. Этим я и думал воспользоваться. В противном случае его придется сразу же после телефонного звонка «снимать». И завершать все свои действия до следующего звонка.

— Товарищ старший лейтенант, — донесся в наушнике тихий голос младшего сержанта Бори Питиримова, командира второго отделения, что первым пробирался в ущелье во главе своих солдат.

— Что там? — спросил я так же тихо.

— Глухая стена. Похоже, естественного происхождения. Стоит под углом к боковым хребтам. Если бы делали искусственно, стояла бы под прямым углом.

— Это даже шакалу понятно.

Нынешним утром, когда мы вели наблюдение за внешним часовым, из ущелья выбежал шакал с поджатым хвостом. Впрочем, поджатый хвост в данном случае был не признаком испуга, а характерной особенностью этого зверя. Это собаки поджимают хвосты, когда пугаются. А у шакала он часто поджат так же, как и у волка. Может быть, шакал всегда боится, не знаю, не берусь судить. Волк, я слышал, ничего

не боится. Он просто живет по принципу осторожности. Инстинкт самосохранения у него развит чрезвычайно сильно. Потому, наверное, волков до сих пор полностью и не уничтожили.

Но здесь ситуация была другая. По крайней мере в данном ущелье шакалу было кого бояться — людей и всегда сопровождающего им запаха дыма. Пусть и жгут костры только ночами, но запах из ущелья сразу не выветривается, цепляется за скалы, за камни, впитывается в деревья и кусты. И это шакалу не понравилось. Возможно, он раньше обитал именно в этом ущелье и теперь по милости людей лишился доступа к логову. Маленьким шакалятам еще появиться на свет рано. Но само логово может быть утеплено и подготовлено к зимовью. Зима в горы приходит рано, особенно холодно по ночам. А шакал подготовленного жилища лишился.

Бандитов жалеть я не приучен службой. А вот шакала пожалел, хотя шакалов никто и не любит. Наверное, за противные голоса и за пристрастие к падали, хотя я читал, что шакалы — животные всеядные и питаются даже овощами и фруктами.

Вообще у меня натура такая. Мне, например, всегда было жалко собак-бультерьеров за их отвратительные морды. Мне казалось, что любить такую собаку просто невозможно. А держат их люди за характер, соответствующий характеру хозяина. И я жалел бультерьеров. Так же, как и шакалов.

Но раздумывать о шакалах мне сейчас было некогда. Я вытащил свой планшетник, включил его, предварительно свернувшись рядом с большим камнем и закрыв свет монитора корпусом. Посмотрел карту. И сразу стало понятно. Я же и раньше эту карту предварительно просматривал. Правда, тогда меня интересовало ущелье в другом месте, на километр примерно дальше.

— Борис! Это просто скала посреди ущелья. Обходи ее слева, там, видимо, и часовые проходят.

— Товарищ старший лейтенант, — вмешался в эфирный, но не прослушиваемый со стороны разговор младший сержант Володя Хозяинов, командир третьего отделения. — Я наблюдал смену часовых. Часовой с другой стороны шел.

Володя человек такой — любит порядок, любит все по полочкам раскладывать. И потому надежный, как скала. И при этом всегда спокойный и невозмутимый в любых обстоятельствах. Вдумчивый, и при этом обученный принимать решения очень быстро. Это проверено. Я со своим взводом, правда в разном составе, совершаю уже четвертую полугодовую командировку на Северный Кавказ. И все четыре командировки со мной провел здесь и младший сержант Хозяинов. Как и многие другие «контрактники». А «контрактников» во взводе две трети. Это основная ударная сила взвода. Во втором и в третьем отделениях, которые сейчас находятся впереди и позади меня, вообще служат только одни «контрактники».

— Возможно. Если справа и есть проход, то он под скалой. Карта его не показывает. Она космической съемки. Со спутника такие проходы не видны. Но слева точно есть проход. Борис! Вперед! Обходи слева. Проверь возможность и доложи.

— Понял. Работаю, — ответил стандартной фразой командир первого отделения.

Со мной в глубину ущелья пошли только два отделения. И то потому, что они

оба по своему численному составу почти равняются первому отделению. По крайней мере по силам они равны. Первое отделение должно выступить открыто после моей команды. Ликвидировав часового, отделение должно войти в ущелье и начать продвижение на максимально возможную глубину. Дальше будет моя корректировка. Или я пошлю кого-то из бойцов второго и третьего отделений на снятие второго часового, или сам пойду один или, что вернее, с кем-то из бойцов, чтобы в одном случае продемонстрировать, что умеет делать командир, — временами это необходимо продемонстрировать для поддержания авторитета, или пошлю своего подчиненного, чтобы проверить его навыки в снятии часовых. Навыки эти у нас отрабатываются постоянно.

Или же этим делом займутся наступающие. Младший сержант Сережа Намырдин, командир первого отделения, и мой заместитель старший сержант Валера Кувалдин найдут кого выделить для выполнения той же задачи, а могут и сами пойти хоть по одному, хоть вдвоем. Оба они опытные бойцы и прекрасные рукопашники.

Мой замкомвзвода Валера Кувалдин не зря носит такую фамилию, потому что происходит из рода потомственных кузнецов, хотя наследственность в профессии пресеклась еще у отца Валеры, который месту у наковальни предпочел место у нивелира, став геодезистом.

А сам Валера стал военным, старшим сержантом контрактной службы. От своего рода Кувалдин унаследовал сильную кисть и тяжелую руку. И уже несколько раз на моей памяти, когда его отправляли снимать часового, беззвучно подкрадывался со спины и ударом кулака в четвертый шейный позвонок лишал человека сознания, а порой и сразу жизни, если противник оказывался слабоват здоровьем. От такого удара, как правило, травмировался спинной мозг, он переставал посылать сигналы в мозг головной, следовала моментальная потеря сознания, после чего не стоило труда сломать часовому шею простым поворотом головы. Тем более состояние часового было таково, что сопротивляться он уже не мог.

Мало уступал Кувалдину в силе и младший сержант Намырдин. Сережа имеет

убийственный удар ногой. Если кто-то и успевал среагировать и подставить защитный блок против хай-кика младшего сержанта, то все равно не мог сдержать его мощную ногу, так как удар доходил до цели. И удар этот был такой силы, что никто не мог устоять на ногах. Зря, что ли, Намырдин был лучшим футболистом роты, да, наверное, и батальона тоже. По мячу бил не слабее, чем по чужой голове. И в футбольной команде бригады числился штатным пенальтистом. При этом легко, без всякой натуги выполнял шпагат, который, по правде говоря, у нас выполняет практически каждый солдат. Но не каждый делает это так легко, как младший сержант. А вообще для выполнения хай-кика вовсе не обязательно уметь делать шпагат. Достаточно просто иметь приличную растяжку, хотя, кто умеет выполнять шпагат, тому и бить ногой в голову легче.

— Товарищ старший лейтенант, — раздался в наушниках шепот младшего сержанта Питиримова. — Есть проход. Правда, он камнями завален. Похоже, осыпь весной была. Или даже целый